

ГАЛИНА АЛФЕЕВА

12+

- А если я осенью обратно в город уеду?
- Надолго?
- До следующего лета.
- Это не так долго. Я тебя подожду. А зимой мы вообще спим.
- А если так случится, что не вернусь?
- Что ты всё «а если, а если», Восоножка! Что случилось?
- Ничего, – Рика отвернулась. – Просто... просто хочу, чтобы ты знал: я бы по тебе скучала...

Лето в Лозовицах

Галина Алфеева

Лето в Лозовицах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48443698

SelfPub; 2019

Аннотация

Ей почти тринадцать. Родители развелись, мама в городе налаживает личную жизнь, а Рику на лето отправили к деду в деревню. Всё, как всегда... Кто же знал, что обычная прогулка в малинник приведёт в мир, в котором существуют водяные, русалки, болотники, заговорённые люди и клады, где ценой обретения потустороннего сокровища может стать жизнь, а ценой спасения может стать смерть? Самое яркое, весёлое, печальное и страшное лето в жизни Рики – лето в Лозовицах.

Подростки живут в языческом мире. У язычников нет грязных тем и светлых помыслов, у язычников все естественно, они дети природы. И подростки – это тоже дети природы.

Ю. Коротков

– Рика! Рика!

Голос мамы долетал во все уголки дедушкиного сада и в малиннике был отлично слышен.

– Рика! Я уезжаю!

Вот и прекрасно. Давай, двигай отсюда. Нам и без тебя будет очень хорошо.

Всё лето!..

Без тебя!..

– Рика? Ты здесь?

Нет меня, что тут непонятного! Я ушла. Умерла. Какая тебе разница! Не притворяйся, что тебе есть до меня дело. Уезжай в город. К своему ненаглядному Серёженьке. Можешь даже не возвращаться. Отлично, просто замечательно проживём!

Мама ещё немного растерянно потопталась на выложенном плиткой островке возле грядок с огурцами, но вглубь, в сад, не пошла: красивые туфли на шпильках пачкать перед дорогой не хотела. Рика слышала, как она пожаловалась дедушке, что так и не простилась с дочерью.

Можно подумать, ей это важно! Не смешите меня!

Дедушка сказал, что Рика, должно быть, где-то бегают с местными ребятами и забыла, во сколько у мамы электричка.

Ничего не забыла. С самого утра ждала этого. И специально теперь сидит в прохладном малиннике, и даже даёт себя есть комарам – только для того, чтобы не прощаться с матерью. Не прощаться – значит не прощать.

Дедушка пошёл провожать маму на станцию. Рика на четвереньках выползла из кустов. Конечно, это было очень по-детски: ползать на четвереньках, дуться на маму, прячась в малиннике, когда тебе почти тринадцать, но...

Рика с отвращением вспомнила, как на последней школьной дискотеке одноклассницы красились в туалете и подтягивали капроновые колготки на тощих коленках.

Они хотели скорее стать женщинами. Как их матери. Как её мама... Чтобы жениться и заводить детей, а потом разводиться, а потом снова выходить замуж... Фу! Как хорошо, что у деда можно не краситься, не снимать шорты и майку всё лето. А ещё где-то в сарае есть старый велосипед, до которого она, наконец, доросла – дед его починит, он обещал, и она будет кататься с утра до ночи. И никто ей не нужен. Совсем никто. Как же хорошо!

Рика по-хозяйски оглядела сад. Сад был старый и густой. В тенистом малиннике попискивала мошкара, где-то близко трещали кузнечики, ветерок легонько шуршал в тонких веточках на самых верхушках деревьев. На стволах толстых чёрных черешен выступили янтарные пузыри клейкой смо-

лы. У дома на солнце грелись дедовы кошки Муська и Фроська. Шарика Рика не увидела, должно быть, дремал в своей будке.

Она решила для начала дойти до забора между их и соседским участком. Обозреть свою летнюю вотчину. Путь лежал сквозь малинник. Рика по привычке снова согнулась и поползла. Ну и пусть, что так, по-детски, никто не видит же...

Забор между участками состоял из двух частей: верх был затянут металлической сеткой на бетонных столбиках, а низ выложен из шлакоблоков. У забора с соседской стороны тоже росла малина. Конечно, как бывает в таких случаях, с соседской стороны ягоды были крупней и красивей. Рика, добавив себе ещё царапин, поднялась и привстала на шлакоблоки, чтобы разглядеть, что там, у соседей. Но из-за высоких зарослей ничего не увидела, только двухэтажный дом вдалеке, на другом конце участка. Она снова опустилась на корточки. И только тут заметила, что справа, где-то в полуметре от неё на соседский участок ведёт лаз. Самый настоящий лаз под бетонным основанием забора. Но кто его прорыл и зачем? Кошки не любят рыть землю. Шарик? Его-то в сад не заманишь и сосиской. Крот какой-нибудь? Или кролик? Может, соседи разводят кроликов, и один убежал? Интересно... Но дыра довольно большая, если ещё чуть-чуть подковырять, даже она сможет пролезть на ту сторону. А может, это сами соседи прокопали, чтобы воровать у деда. Огурцы, например.

Чтобы выяснить всё до конца, Рика решила расширить дырку под забором и пролезть на ту сторону.

Малина на соседской стороне была гуще и царапалась сильнее, Рика, стиснув зубы, потихоньку продвигалась вперёд. Когда заросли закончились, она вся подобралась, как Фроська перед прыжком, и осторожно раздвинула прутья малины.

Никакого участка не было. И дома, который она видела с дедовой стороны, тоже нигде не было. Перед ней была полянка. На полянке росли деревья. Толстые, дикие, то есть лесные, деревья. Рика удивилась, но всё же вышла из малинника. Больше для того, чтобы бросить взгляд назад, на забор, под которым проползла: забора тоже не было. Заросли дикой малины и какие-то ещё кусты были там, где она только что лезла на четвереньках.

Рика сначала хотела тут же вернуться – удостовериться, что забор, её малинник, её дом – с дедушкой, кошками и Шариком, скрипящей приставной лесенкой, не распакованным до конца рюкзаком, лежащим на кровати, – всё это ещё существует.

Но и полянку посмотреть хотелось, и дальше хотелось сходить.

«Наверное, я незаметно свернула куда-то, когда ползла в кустах», – подумала девочка.

Она ещё раз огляделась. Вполне реальная полянка. Кусты.

Их дома за ними не видно.

А, ладно. Если я полчаса тут погуляю, ничего не случится.

Она, на всякий случай, выдернула какой-то длинный и гибкий сорняк и обвязала его вокруг нескольких малиновых прутиков – отметила то место, где вылезла из кустов. Ну вот, теперь можно и идти дальше.

Рика углубилась в лес, как ей показалось, метров на пятьдесят, – всегда полезно помнить, откуда ты идёшь и сколько уже прошёл, если находишься в незнакомой местности – это она знала и без всяких там учителей ОБЖ. Под ногами мелькали ярко-зелёные пятна – солнечные лучи через просветы в листве падали светлыми кляксами на затенённую траву. Идти Рике было спокойно и весело. Солнечные зайчики не внушают тревог.

– Сгинь!

Рика изумлённо подняла глаза. Перед ней стояла девочка, которая и произнесла слово «сгинь». Но относилось оно, по всему судя, не к Рике, а к мальчику, который стоял шагах в двадцати от них. Выглядели и мальчик, и девочка довольно странно, как будто по-старинному. Девочка была похожа на цыганку: смуглая, черноволосая, в длинную косичку вплетено много тонких разноцветных ленточек. Мальчика Рика вообще не успела разглядеть, потому что он вдруг сорвался со своего места и побежал на них

– Ай! Беги! – крикнула Рике девочка и сама понеслась в лес.

Рике ничего не оставалось, как тоже пуститься бежать. Она, не раздумывая, побежала следом за цыганкой.

Их преследователь гнался за ними очень быстро, Рике даже показалось, что он почти не касается ногами земли, во всяком случае, он не топал, как топали они с незнакомой девочкой. А ещё он даже не задыхался от бега – это она поняла, когда он насмешливо закричал, обращаясь к жертве, которую, похоже, хорошо знал:

– Лебёшка! Дурочка! Я же тебя догоню, коротконогая! Будешь знать, как в лес ходить, в старице воду мутить!

Рика с трудом нагнала девочку и, поравнявшись, продолжая бежать, выдохнула:

– Что ему надо?

– Убить хочет. Это же водяник!

Бред. Полный бред. Должно быть, ещё у себя в саду схватила солнечный удар, и теперь всё вокруг – один сплошной глюк. Или тут фестиваль каких-нибудь начитавшихся фэнтези придурков. Что почти одно и тоже с первым. Единственный способ узнать – добежать до конечной цели. Если вообще до неё возможно добежать... Но ведь странный мальчик гонится не за ней, а за Лебёшкой. Остановиться? – Нет, дудки. Кто его знает, этого психа, вон как жутко смеялся только что!

Она применила приём, который нередко выручал её, если приходилось срочно убегать: сделала резкий зигзаг в сторону и сиганула через кусты.

Сработало! Мальчик за ней не погнался. Видимо, убить он хотел исключительно Лебёшку.

Рика остановилась за деревом и чуть отдышалась. Подобрала с земли какую-то внушительную корягу и пошла за убежавшими мальчишкой и девочкой. Ей всё равно было за Лебёшку тревожно.

Оказалось, переживала она не зря. Под раскидистым деревом с выступающими из земли корнями преследователь настиг свою жертву. Она прижалась спиной к стволу, лицо у неё было испуганное.

– Что, устала бегать? – говорил мальчик, нарочно не торопясь, запугивая Лебёшку. – Тебе говорили – не подходи к воде, ведьма? Тебе говорили – не суйся в чужие владения? Говорили, а? – он поднял руку, чтобы ударить девочку.

– Отстань от неё!

Толстая кривая замшелая ветка, превращённая Рикой в оружие, крепко стукнула по затылку нападавшего. Так крепко, что он, пошатнувшись, схватился за голову, забыв о Лебёшке. Та же мгновенно прыгнула на него и сбила с ног – Рика бы так быстро не сообразила на её месте. Она только помогла, навалившись на уже поверженного противника.

– Держи его крепче! – яростно взвизгнула Лебёшка.

Она торопливо вытянула из косички ленточку и быстро

привязала мальчишку за руку к одному корней, будто нарочно петлёй выступавшему из земли у самого ствола.

– Отпускай!

Рика отскочила в сторону, освободив мальчишку. Она не была уверена, что тоненькая красная ленточка его удержит надолго, ей казалось, он сорвёт её в одну минуту. Но к удивлению своему, она увидела совсем другую картину. Мальчишка, только ему повязали ленту, завертелся, словно попав в капкан, но даже не смог прикоснуться к ней свободной рукой – как будто лента была раскалённой или остро отточенной. Он пытался натянуть её, чтобы она разорвалась, но узел только крепче затягивался, а лоскуток был прочен, как ремешок. Мальчишка даже завыл от боли и злости.

– Не нравится? – злорадно проговорила Лебёшка. – Я тебе не по зубам. Мы ваше болото высушим. Вы больше никого не утопите – понял? Я сейчас в деревню побегу, быстренько всех приведу – то-то все порадуются. Все, у кого ты сети рвал, бельё утаскивал, все, кого утопить хотел... Уууу, проклятый!

Рика с недоумением смотрела на обоих. Кажется, они это всерьёз. Ей-то что теперь делать?

– Посиди здесь, посторожи, я – быстро, – распорядилась, обращаясь к ней, Лебешка.

– А если он ленту сорвёт? – испугалась Рика.

– Не сорвёт! Она специально заговорённая! – торжествующе объявила Лебёшка.

Мальчишка со злобой посмотрел ей вслед. Он уже перестал рваться и сидел, ощупывая затылок.

Рика заволновалась – вдруг у него там сотрясение, всё-таки она сильно его ударила.

– На, приложи к голове, чтобы шишки не было, – она, боясь подходить близко, бросила ему пятирублёвую монету из своих карманных запасов. Монета упала в траву рядом с пленником. Мальчишка посмотрел на Рика, потом на деньги, потом опять на Рика, как будто опасаясь, что с деньгами выйдет та же история, что и с лентой.

– Бери-бери, ничего не будет. Это просто денежка, – завила Рика.

Он осторожно взял и так же осторожно приложил к затылку.

– Ты кто такая? Я тебя раньше не видел, – вдруг сказал мальчишка, и Рика поняла, что он её очень внимательно разглядывает. Она даже смутилась и отошла подальше. Села напротив, под другим деревом.

– Вчера к бабушке в гости приехала... Ты что, правда, всех топишь?

– Может, и топлю. Нечего в ручьи помои сливать.

– Я не сливаю.

– Конечно – не успела ещё...

– Я и ручья тут никакого не видела.

– И хорошо.

Он внезапно ожесточённо крикнул:

– Зачем вы вообще все сюда тащите? Вам что, колодезь мало?

Рика не знала, что ответить и промолчала. Мальчишка привалился, насколько мог, к стволу.

– Вы – дураки, – успокоившись, сказал он. – Если меня убьёте, вам только хуже будет.

– А ты эту, Лебёшку, тоже убить, вроде, собирался...

– Не собирался. Хотел только попугать, чтобы к воде не совалась. Ты не знаешь, что у неё недоля – утонуть?

– Чего?

– Ничего. И ноги хоть прикрой. Голые же. стыдно.

Рика от этих слов вообще впала в замешательство.

– Да ты-то кто, чтобы на мои ноги пялиться! – опомнившись, взвилась она.

Но мальчишка, казалось, её уже не слышал. Он как-то побледнел, высох с лица, телом обмяк, неестественно склонившись на бок.

Обморок, что ли?

– Э-эй! Ты живой? – позвала она, но никакого ответа не получила. – Эй! Живой?

Тут Рика испугалась. По-настоящему.

Подойти она боялась. Но ещё больше боялась, что этот странный мальчик умрёт. Тогда её точно отправят в колонию для малолетних. За убийство.

Подождав ещё чуть-чуть, она всё же решилась подойти ближе. Рика, уже не радуясь тому, что пленник никакой

опасности не представляет, тронула его за щёку.

Щека была холодной.

Умер?!

Пока она раздумывала, что же теперь делать, вернулась Лебёшка. Вернулась она одна и мрачная. Молча подошла и стала развязывать ленточку на корне.

– Он уже минут десять так, – печально произнесла Рика.

– А, прикидывается. Они все так.

– Я подходила. У него лицо прямо холоднющее...

– У водяников холодная кровь – не знаешь разве?.. Это они так время замедляют.

– Как замедляют? Как это – время?

– Ну, время – оно сквозь всех течёт, сквозь людей, сквозь животных там, сквозь деревья... А водяники его в себе могут остановить или замедлить, и вроде как мёртвые делают. Они так зиму переживают и засуху. Мне бабуся рассказывала.

– Почему ты его отвязываешь?

– Бабуся меня заругала. Сказала, беда случится, если другие водяники за него мстить будут... Вроде как у нас с ними перемирие, которое нарушать нельзя. Ага, перемирие! А в прошлом году двое аж утонуло!

– А что теперь нам с ним делать?

– Оставим тут. Если сам не очнётся – ночью другие водяники его заберут.

– Что, в лесу одного бросим?

– А что с ним станется?

– Ну, муравьи в нос или в уши заползут...

Рика сама боялась спать в саду – из-за насекомых.

– Хочешь – сиди рядом, муравьев отгоняй. Мне некогда.

Странная ты! Как тебя зовут?

– Марина.

Лебёшка кивнула и ушла.

Рика села рядом с водяником. «Скорее очнулся бы уж, – досадливо думала она, – вот вляпалась ещё!»

На плетёном толстом шнуре на груди у мальчишки были подвешены нож, какой-то мешочек и гребёнка – старинная, костяная, с несколькими поломанными зубьями. Рика сначала осторожно её потрогала, потом сняла, повертела в руках. Интересно, как этим расчёсывались раньше?

Она неловко провела по своим волосам – ничего, нормально, пользоваться можно. Потом подумала немного и коснулась спутанных рыжеватых кудрей водяника. «Ну, хоть расчешу, за то, что стукнула – заодно и посмотрю, большая ли шишка там...» – подумала Рика.

Она так и не дождалась, чтобы водяник открыл глаза. Стало вечереть, и Рика, испугавшись наступающей темноты, странных водяников и вообще, того, что ушла непонятно куда от дома, была вынуждена оставить мальчишку под деревом.

Кусты, через которые попала на полянку, она нашла. Пока возвращалась к ним, очень боялась заблудиться в лесу, но

оказалось, что лесное чутьё у неё работает исправно, до полянки недалеко, это от страха, видно, показалось, что бежала она за Лебёшкой как-то очень долго..

Только нырнув под родной забор, она немного успокоилась. Встала в малине: на веранде дедушкиного дома горел свет.

– Деда, а через забор от нас кто живёт?

– Справа – Акиньшины, слева – Клавдия Георгиевна, почтальон. А что?

– А сзади кто? – не унималась Рика. – У них ещё малина рядом с нашей.

– А, там! Там сейчас никто не живёт. Зимой ещё хотели дом продать, может, уже продали, а новые хозяева не въехали.

– А жил там кто?

– Вот пристала! Ты лучше кушай – я те сырнички пожарил...

– Ну, деда...

– Минаковы там жили. Игорь Минаков в прошлом лете по пьянке утонул, не к ночи будь сказано. Лерка, его жена, дом решила продать и к детям в город уехать. Уехать – уехала, а вот продала ли, или не продала – не слышал... Ладно, жуй, давай, Марина Викторовна, голова бедовая.

На другой день Рика, разумеется, пошла в малинник. По

вчерашнему лазу пролезла на ту сторону, на знакомую полянку. Её интересовало, есть ли кто-нибудь под деревом или нет. Добравшись туда, она убедилась, что водяника и след простыл.

Ну, и хорошо. Значит, ожил, и её не посадят. А интересно, если он водяник, значит, должен жить около воды? А водяник и водяной – одно и то же или нет? И ещё слово такое странное, тоже, кажется, к воде относящееся – старица... надо было у деда спросить... Если предположить, что вода недалеко от того места, где Лебёшка спасалась от водяника, значит, это и недалеко от малинника...

Рика вернулась на то место, где столкнулась с Лебёшкой, и начала поиски.

Она вышла на край оврага, внизу которого было что-то вроде озерка. Над одним, ближним, берегом озерка нависали деревья, другой, дальний, берег плавно переходил в заболоченный луг.

Рика спустилась вниз, к воде. Ей страстно захотелось искупаться в этом опрокинутом небе. Жаль, что не догадалась надеть купальник!

Девочка перебралась с берега на толстый ствол старой ивы, склонившейся над водой. С него здорово было смотреть на озерцо, но Рике этого показалось мало. Она разулась и села, свесив ноги, чтобы доставали до самой воды.

Сидела и баловалась, чиркая по воде босыми подошвами. Что-то холодное и скользкое схватило за ногу и сильно

дёрнуло вниз.

– А-ай! – в ужасе крикнула Рика.

Она вскочила на иву, босоножки, конечно, упали в воду. Девочка заторопилась, цепляясь за ветки, назад, на берег. Её трясло.

– Куда ты? Я же пошутил! – вчерашний мальчишка вынырнул под ивой и высоко поднял руку с её босоножками. – Что, и обувь не возьмёшь?

– Кидай сюда, умник.

– Ты далеко стоишь.

– Ничего, добросишь.

– Не буду я бросать. Иди сюда.

– Да хоть подавись моими босоножками!

Может, он и правда вот так, «шутя», несколько человек утопил... Босоножки жалко, но жизнь-то дороже. Рика полезла наверх. Ей было страшновато поворачиваться к водянику спиной, и поэтому она оглянулась. Она увидела, что мальчишка выбрался из воды и теперь стоит на берегу. Он плавал в одежде, и одежда была тяжелой и мокрой.

– Спускайся! Не бойся! Я тебе ничего не сделаю! – стал звать её водяник.

– Ага, как же, нашёл дуру...

– Если бы я хотел тебя утопить – давно бы уже утопил. На, возьми ... Как, ты сказала, это называется?

– Вообще-то это босоножки...

– Босоножки? Смешное слово! Эй, Босоножка – возьми

свои босоножки!

Он засмеялся – не так уж злобно, не как вчера. Спустить-ся, что ли?

– Если ты опять залезешь в озеро, я спущусь! – крикнула Рика.

Мальчишка подумал, поставил босоножки на землю, разбежался и с шумом ушёл в воду. Как дельфин, которого она давным-давно видела в аттракционе на море.

Она быстренько сбежала и, зыряка на плещущегося в озере водяника, поспешно обулась.

– Видишь! Я не страшный! – он улыбался, и даже, кажется, стремился ей понравиться.

– Ты не страшный, ты – опасный и непредсказуемый, – ответила Рика.

– Почему?

– То по лесу гоняешься, то за ноги хватаешь и под воду тащишь, то время останавливаешь...

Мальчишка насупился.

– Это тебе Лебёшка сказала?

– Так это правда?

– Неправда. Я не могу остановить. Но замедлить могу, – похвастал он.

– Ты в воде живёшь?

– Может, и в воде. А ты где живёшь?

– Не скажу. Вдруг ты и в водопроводный кран пролезть можешь?

– Ты вредная, Босоножка. Хочешь искупаться?

– Не хочу. А с тобой и подавно. Я пошла наверх.

– Эй, Босоножка, подожди. Я хочу у тебя кое-что важное спросить!

– Ну что ещё? – она наигранно равнодушно обернулась.

Водяник подплыл к берегу и как-то нерешительно, словно боясь её напугать, выбрался на сушу. После того, как он по-собачьи отряхнулся, поражённая Рика увидела, что вся одежда абсолютно суха.

– Так что? – нетерпеливо спросила она, стараясь не подать виду, что фокус с одеждой её удивил.

– Ты вчера мою гребёнку брала?

– Ну, брала...

– Значит, это ты мне волосы расчёсывала? – по тону голоса нельзя было предположить, какой ответ больше понравится водянику.

– У тебя не волосы, а космы были. Ты расчёску носишь, а волосы, кажется, месяц не расчёсывал. Смотреть было страшно...

– Понятно. Так я и знал, – вздохнул водяник.

– Что знал?

– Что ты любишь брать без спросу чужие вещи, – засмеялся он.

– Ладно, я пошла. Пока!

– Завтра придёшь, Босоножка?

– Ещё чего не хватало.

Следующий день Рика посвятила разрешению накопившихся вопросов. Несмотря на то, что узнала она много, и чрезвычайно интересного, картина не прояснялась.

Во-первых, про старицу. Старицей называли озерцо, оставшееся от старого русла реки. Прежде оно напоминало подкову, потом становилось всё меньше и меньше, и, наконец, совсем высохло. Осталась только илистая яма – местные говорили, что на месте самого глубокого омута, где раньше жил огромный сом, который утаскивал под воду людей. Поэтому яму обходили стороной: считалось, что под илом в ней всё ещё лежат кости утопленников.

Луг, в который превратилось озерцо, теперь звали Старицей. Находился он за оврагом, по Рикиным подсчётам, не менее чем в полутора километрах от её дома. Чтобы она полтора километра ползла по колючим зарослям – такого, конечно, быть не могло.

Она ходила на Старицу. Луг и луг. Ив нет. Под обрывом грязная яма, в которой всякий мусор, старые покрышки, кучи пластиковых бутылок. Свалка, одним словом.

Во-вторых, она узнала, что водяник и водяной вроде одно и то же, просто в одних областях зовут так, а в других – эдак.

Но водяной – страшный старый дед с бородой, на жабу похож, и с хвостом рыбьим... Где ему по лесу бегать...

Не сходится.

О ленточке. Дедушка, самый авторитетный из её источни-

ков, конечно ко всяким заговорам и прочим суевериям относился скептически, но обронил, что «старые дуры, которые в школе на тройки учились» в байки эти верят. И даже велел не подбирать деньги или мелкие вещицы, найденные на улице, потому что, дескать, «старые дуры» могли на них чего-нибудь нашептать. Рика хотела подробностей, но дед от дальнейших вопросов в этой области уклонился.

Опять ничего.

Придётся самой расспрашивать водяника.

Рика просидела на стволе ивы, наверное, больше часа, но мальчика не было. Она хотела даже его позвать, но не знала, как это сделать – не кричать же: «Водяник, водяник!» Глупо как-то получается. Она даже начала злиться: сам спрашивал, придёт ли она ещё, а теперь болтается где-то.

Лебёшка показалась на краю оврага. Увидела Рику – остановилась, словно засомневавшись, потом стала спускаться. Она несла в руке какой-то узелок.

– Осторожней, тут лучше не сидеть! – уже с берега вместо приветствия крикнула она Рике.

– Его нет, я давно здесь, – крикнула Рика в ответ. – А как ты не боишься сюда ходить?

– А ты?

– Я позавчера была, он мне ничего не сделал, даже просил, чтобы ещё пришла.

– А я – мириться. Гостинцы водяникам принесла. Я бы не

пришла, но...

Лебёшка запнулась, как будто дальше должно было прозвучать что-то, чего ей говорить было нельзя.

– Но – что? Бабушка послала?

– Ага, – с облегчением согласилась Лебёшка, в последний момент сохранив свою тайну. – Иди сюда, пожалуйста, а то я боюсь.

– Да ничего не будет, лезь ко мне.

– Нет, мне нельзя, – убеждённо отказалась девочка.

– Почему?

– Потому. Потому... Потому, что я с водяником ещё не помирилась.

Этот довод Рика приняла. Она перешла к Лебёшке на берег и села с нею рядом.

– Слушай, а как водяника зовут?

– Как – зовут? Так все водяником и называют.

– Но имя-то у него есть?

– Нет.

– А если водяников много, как они между собой различаются?

– Не знаю. Никак. Водяник – и всё. А тебе зачем?

– Мы бы нашего позвали. А то сидим тут, ждём, а он, может, вообще не приплывёт...

– Может, – подтвердила Лебёшка. Потом, подумав, сказала: – У водяников имени нету, потому что они – некрещёные.

– Глупости. У меня дедушка некрещёный, а имя и фами-

лия – всё у него есть.

– Некрещё-оний? – с испугом отодвинулась от неё Лебёшка. – А ты? Тоже?

– Нет, меня, когда маленькая ещё была, в церкви крестили. А дедушку не крестили, потому что в посёлке церкви не было, и тогда нельзя было просто так взять и покреститься, считали, что это – как суеверие, если человек крестик носит. Мне мама рассказывала.

– А...

Лебёшку явно утешило то, что Рика крещёная. Она снова придвинулась к ней:

– А знаешь, почему мне с водяником нужно помириться? – Потому что у меня судьба плохая. Я утонуть могу.

Она ждала, какую реакцию вызовет её признание. Рика понимающе кивнула:

– Да, он мне тоже так сказал.

– Водяник?

– Ага.

– Поэтому я должна всегда с водяниками в мире жить. Знаешь, у меня бабуся заговаривать умеет... У неё заговоры очень сильные – видала, как ленточка крепко держит? – с гордостью вспомнила Лебёшка. – Это бабуся заговорила. Она бы могла одним словом всех водяников из старицы выгнать, тогда бы я совсем не боялась утонуть. Но она не хочет.

– Почему?

– Не знаю. Я сама на неё обижаюсь. Вот, приходится те-

перь мириться, – вздохнула девочка.

– Слушай, Лебёшка, а почему у тебя такое имя странное? На лебедя похоже...

– Ага. Настоящее моё-то – Филонилла. Но я Нилкой быть не хочу. В деревне все Лебёшкой зовут, мне нравится.

Марина удивилась настоящему имени новой подруги и тому, что она сказала «в деревне», а не «в посёлке».

– Лебёшка, а как так, что у нашего водяника ни хвоста нет, и вообще, он на обычного человека похож?..

Лебёшка пальцем, зацепив за бретельку майки, притянула Рику к себе:

– Он и есть человек. Только никому не говори! Про него только я да бабуся знаем. Да ты теперь. Бабуся говорит, его в детстве, некрещёным, водяники украли.

– Да? – потрясённо произнесла Рика. Она почему-то легче отнеслась бы к тому, что мальчик из леса не принадлежит к человеческому роду.

– Говорят, если окрестить похищенного, его можно вернуть к людям. Вот мавку можно – если не больше семи лет прошло, как украли.

– Мавку?

– Тьфу, ты что, и про мавок не знаешь?

– Подумаешь, а у тебя и мобильного, небось, нет! – огрызнулась Рика.

-БУ!!!!

Девчонки, только собиравшиеся поссориться, вскочили с визгом. Подкравшийся водяник так обрадовался, что сумел их напугать, что, как заправский акробат, перекувыркнулся через голову одним прыжком.

– Ты! – гневно крикнула Лебёшка.

Водяник захохотал, но весело и беззаботно, и она, сердясь уже для виду, протянула свой узелок:

– На. Это твоим. Давай мириться.

Мальчишка с любопытством и осторожностью принял подарок. Рика и сама бы хотела узнать, что принесла Лебёшка, она нетерпеливо ждала, пока водяник развязывал узелок.

Лебёшкины гостинцы оказались сдобными булочками.

– Можно, я одну съем? – восхищённо спросил водяник так, будто перед ним был какой-то необыкновенный деликатес.

– Ешь, тебе ведь принесла.

Мальчишка, прежде чем приняться за свою булку, легко взбежал на ствол ивы и щедро раскрошил остальные над водой. Только потом он, смакуя, надкусил гостинец.

– Мир? – с берега спросила Лебёшка.

Водяник, уписывая булочку, только головой закивал.

– Ты своим скажешь, чтобы меня не трогали?

Снова он горячо закивал головой. Рика удивилась – вот так, за булочку можно купить дружбу нечистой силы?

– А меня? – спросила она, жалея, что у неё нет с собой даже жвачки.

Мальчик, который уже съел подношение, ответил:

– Тебя и так никто не тронет.

– Это почему? – удивилась Лебёшка.

– Она мне волосы расчесала. – Короткое объяснение вызвало у обоих на лицах странное выражение: похоже было, что Рика создала какую-то проблему.

– Это плохо? – спросила она Лебёшку.

Та пожала плечами.

– Скажи ей, – попросил водяник.

– Ну ... – замялась девочка, – ты, как будто, теперь можешь награду требовать. Так говорят.

– Награду?

– Ну, клад со дна, или там что ценное...

– За то, что волосы водянику расчесала? Круто! Ну, так чего мы ждём – давай, ныряй за кладом! – велела она мальчишке.

Но оказалось, что достать клад как раз и было самой большой проблемой. Клада на дне старицы не было. Водяник не мог ничем отблагодарить Рику.

– Эх, а я-то уже размечталась! – вздохнула она. – Впрочем, жизнь только и состоит, что из обломов.

– Из чего? – не понял водяник.

– Из обломов. Из невезухи.

Странно, но эти слова как-то запали в ум водянику, потому что, когда на следующий день девочка пришла на стари-

цу, он спросил, почему Рика несчастлива. Рiku никто никогда не спрашивал, почему она несчастлива, и она растерялась от такого вопроса. Но потом выложила всё: про маму, про развод, про новую семью отца, про Сергея, мамино ухажёра, который сейчас переехал к ним, а её, Рiku, вытурили к деду... Она рассказывала – и испытывала саднящее чувство собственного несчастья, как будто расковыривала заколостившуюся болячку.

Мальчик её слушал внимательно, плотно сжав губы. В руке у водяника был прутик, и этот прутик выводил, пока Рика говорила, на прибрежной голой земле резкие, изломанные фигуры.

– Поэтому я не возвращаюсь к людям. Никогда не вернусь, – понимающе и твёрдо сказал приёмьш озёрной нечисти, когда она закончила. – Ненавижу предателей.

Он сломал прутик и швырнул в воду.

– Тебя, правда, водяники украли? – задала в свою очередь вопрос Рика.

– Никто меня не крал! – в голосе его зазвучала обида, ему, как и Рике, хотелось о ней рассказать: – Меня бросили. Это совсем другое. А водяники – спасли. Они хорошие, это люди их боятся и пакостят...

– А какие они, водяники? – спросила Рика.

Мальчик испытующе на неё посмотрел, словно сомневался, можно ли доверить ей тайну.

– Поклянись, что никому не расскажешь! Идём!..

Они забрались на ствол ивы, и водяник заставил Рику пройти почти до конца, туда, где веточки были тонкими и из коричневых делались желтоватыми. Она легла на них, с ужасом ощущая под собой качающуюся пустоту.

– Смотри вниз! – шёпотом сказал водяник.

Лучше бы он этого не говорил. Рика медленно повернула голову – ведь она даже взглядом цеплялась за скользкие ветки – и опустила глаза на воду под собой. Ей было страшно.

В зелёной воде отражалась ива, струились тени от веток и от самой Рики. И вокруг собственной тени в воде она увидела ещё две – большие и тёмные, словно две гигантские рыбы где-то глубоко-глубоко кружили на одном месте.

– Видишь? – шептал мальчик.

Рика смотрела вниз, завороченная танцем, она не сразу перевела взгляд на него.

– Это – они?

– Да.

– А они всплыть...

– Могут. Но не хотят. Ты – чужая. Тише. Давай руку.

Он помог ей перелезть на толстую часть дерева и потом сойти на берег. Оба молча сели на землю и так сидели несколько минут. Рика чувствовала какую-то подавленность и усталость, ей даже спрашивать водяника – где и как он живёт, под водой или на берегу – уже не хотелось. Водяник тоже был серьёзен и задумчив.

– Босоножка, скажи мне, – вдруг начал он, – ты ведь не в деревне живёшь...

– Ну да, вообще я в городе живу... Жила... Может, теперь у вас останусь, может, меня назад мама и не заберёт...

– Нет. Я не про то... Ты же не с Лебёшкой в деревне живёшь... Ты же из другого места... Откуда ты?

– Я? Из какого другого места? Я живу в посёлке... – Рика с недоумением пыталась сообразить, чего он от неё хочет.

– В посёлке? А как место называется? – допрашивал водяник.

– Лозовицы...

– Странно. Лебёшка говорила, она в Дементьево живёт...

– Ну, хочешь, пошли ко мне в гости, – предложила Рика.

Она повела его через малинник. Когда Рика пролезла под забором, за собой она услышала: «Эй, Босоножка! Ты где?»

– Я здесь, лезь под забор! – отозвалась Рика.

– Под какой забор? – удивился водяник.

– Ну, прямо перед тобой забор – не видишь? – теперь удивилась она.

– Нет... Не шути так, Босоножка.

Рика высунулась назад и больно ударилась – столкнулась с водяником лбом.

– Ну вот же забор!!

Но по взгляду мальчика она поняла, что что-то не так. Водяник забора не видел. Для него существовали только зарос-

ли малины. Для него не было никакого лаза на ту сторону...

– Я же говорил, что ты из другого места... – тихо сказал водяник.

– А как же я сюда попадаю – а ты ко мне не можешь? – озадачилась Рика.

– Не знаю.

– Нет, ну должно же быть нормальное объяснение...

Рика осеклась.

Во-первых, какое нормальное объяснение может быть для существования этого странного мальчика и вообще всех водяников? А во-вторых... она поймала себя на том, что говорит в точности, как мама: та, когда начинала ругаться, тоже заводила: «Нет, я всё могу понять, но должно же быть НОРМАЛЬНОЕ объяснение», – и дальше её голос взлетал и становился нестерпимо звонким...

В субботу дед с утра заставил убираться. Рика злилась, но в душе понимала, что он прав – в её комнате царил кавардак, да и во всём доме следовало бы навести порядок. Надо отдать должное деду – он знал, как втянуть Рику в уборку: кроме своей комнаты, ей было поручено прибраться на чердаке, лестница на который как раз и находилась у неё.

Таким образом, Рика освободилась только к вечеру, хотя обещала водянику, что придёт после обеда.

Несмотря на то, что скоро должно было смеркаться, несмотря на то, что она ещё ни разу не оставалась по ту сто-

рону забора после захода солнца, она всё-таки пошла в малинник. Она ведь обещала.

Малина приветственно зашелестела, принимая её. Рика нырнула в лаз под забором. С собой в пакетике она несла конфеты и печенье.

Над озером смеркалось – казалось, вечер сюда приходил раньше. Луг за старицей был тёмн, уже не было видно его зелёного цвета, и темнота постепенно скрадывала воду, подбираясь к берегу.

Рика то и дело хлопала себя по рукам и ногам, отбиваясь от комаров. Она была настолько занята этим, спускаясь к озеру, что только в самый последний момент увидела рыбачившего на берегу человека. А человек – уже пожилой, но, как показалось Рике, всё же моложе её бабушки, – давно искал возможности встретиться с ней взглядом, чтобы предостерегающе показать: «Не шуми!»

Рика остановилась, заробев. Ей не хотелось уходить, не повидав водяника, но если рыбак тут надолго – пиши пропало, можно разворачиваться и топать домой.

Взрослый поманил её рукой.

– Что, заблудилась? – весёлым шёпотом спросил он, когда Рика подошла.

– Не, просто тут гуляю.

– А мамка знает?

Рика на это презрительно улыбнулась.

– Ты гляди: ночь уже. Ночью тут всякое может случиться...
ся...

И, словно подтверждая его слова, на Рику повеяло вечерним холодом.

Девочка рыбаку никак не ответила, только покивала. Словоохотливость взрослого её раздражала, поддерживать бесцельный разговор не хотелось, но один вопрос она всё же задала:

– А вы всю ночь рыбу ловить будете?

– Да я не рыбу ловлю – тебя жду.

Рика испуганно взглянула в лицо мужчине – и отшатнулась: от больших, на выкате, глаз, которые точно увеличились вдвое при этих последних словах. Лицо незнакомца начало вытягиваться вперёд, превращаясь в рыбью голову. Монстр крепко схватил её за руку. Рика завизжала, отбиваясь.

С одной полы куртки страшного рыбака закапала вода. Она закапала сильно и часто, а потом быстро полилась, образуя вокруг него и девочки лужицу. И эта лужица, словно болото, зачавкала, всасывая обоих...

Откуда взялась большая чёрная собака, Рика не поняла. Она только услышала грозное рычание и увидела, как чёрное сильное тело зверя мелькнуло в прыжке. Собака вцепилась монстру в руку, которой он держал Рику, вынудив оставить девочку. Мгновения оказалось достаточно. Рика в ужасе, не

помня себя, выползла из трясины и, что было сил, рванула из оврага наверх.

Три недели она почти не выходила из дома.

Три недели шёл дождь. На грядке подгнивали огурцы. Муська и Фроська валялись на веранде. Шарик забился в будку. Дед каждый день по нескольку раз слушал прогноз погоды и ругал синоптиков, когда они называли их дождь кратковременными осадками.

Уходил июль.

Если бы не дождь, Рике трудно было бы объяснить своё затворничество дедушке. Она догадывалась, что лаз в странное место невиден деду, так же как был невиден мальчику. Поэтому даже попросить заложить дырку кирпичами не могла. Ещё не хватало, чтобы дед сдал её в психушку. Она нашла в сарае какие-то доски и тряпье и, как умела, забила лаз, впрочем, это не слишком её успокоило.

Три недели Рика провела, слоняясь по веранде, читая старые дедовы книжки и иногда смотря телевизор. Спасительный дождь шуршал за окнами.

А потом дождь вдруг прекратился и приехала мама.

От мамы пахло косметикой и электричкой. Муська и Фроська розовыми носиками несколько раз потыкались ей в туфли и разочарованно отошли. Рика уделила ещё меньше внимания, не подходя, бросила: «Привет» и заперлась у себя.

Она боялась, что мать захочет приласкать её, а ей нечем ответить на эту ласку, кроме раздражения и резкости. Но мама не пришла к ней, и Рика это задело. Она бесшумно отодвинула защёлку и высунула голову в коридор. Взрослые были на кухне. Дверь была закрыта, говорили вполголоса, но Рика поняла, что мать плачет.

Она ушла на Старицу – не в малинник, а на свалку на месте бывшего озера. Это как раз место для неё: в саду она теперь постоянно чувствовала опасность, исходящую от забора, в доме рыдала после разрыва с Сергеем мама, друзей в посёлке не было, на телефоне давно закончились деньги – да и звонить, собственно, было некому.

Рика спустилась к яме. Земля была сыроватой, после дождя ещё не просохла. Девочка сняла босоножки и пошла по влажной пружинящей глине босиком.

На лугу под солнцем вспыхивали яркие искры, солнце отражалось в редких каплях, остававшихся где-то на листиках и травинках. Луг был весёлый и праздничный, и даже сама свалка не производила такого удручающего впечатления, как в первый раз.

Рика вдруг, неожиданно для себя, стала энергично стаскивать в кучу валявшийся хлам. В душе у неё появилась стремление к чистоте – это стремление зародил в ней вид сияющего луга, и она, как одержимая, бросалась на залежи мусора, не замечая, что вся перепачкалась мокрой землёй и мусор-

ной трухой.

Камень больно ударил, содрав кожу. Хорошо, что попали не в голову, а в руку. Поселковые мальчишки развлекались.

– Гля, бомжичка!

– Пошла вон, свинья помойная!

И добавили матерное слово, слышанное, по всей видимости, от старших.

Рика не ответила. Раньше она бы мгновенно кинулась выяснять отношения, но теперь на мальчишек ей было наплевать. Она демонстративно развернулась и подняла из грязи пластиковую бутылку.

– Рика, боже мой! На кого ты похожа! – ахнула мама, когда Рика вернулась домой. Был уже поздний вечер, темнело.

– Господи! Да ты просто вся чёрная! Стой, а это что? Кровь? Что случилось?

– Ничего. Мы с ребятами играли, – буркнула Рика.

– Что это за игры такие?

– «Убей бомжа». Я была бомжом. Меня хотели убить. Потом я набила бутылку землёй и отлупила их. Не сильно. Но они испугались и убежали. Я победила. – Рика захлопнула перед маминым носом дверь в ванную и уже оттуда закончила: – А ещё я расчистила свалку на Старице.

Это было правдой. Она нашла среди мусора старый дождевик и в нём, в несколько ходок, перетаскала весь мелкий мусор к бакам, которые стояли у дороги метрах в трёхстах от

оврага. Туда же снесла резину и вещи покрупнее. Она не ела практически целый день и очень устала, и после душа всё, чего ей хотелось, это были еда и сон.

На кухне дед заботливо придвинул тарелку с горячим и стал заваривать для неё чай. Мама тоже пришла, стала в дверях, словно задумала отрезать Рике пути к отступлению.

– Рика, я и дядя Серёжа решили не спешить. Так что, мы с тобой пока сами поживём, а дядя Серёжа – сам, отдельно...

«Поцапались? Так тебе и надо», – мысленно заметила Рика.

– Дочь, я подумала... тебе тут скучновато... И с местными ты, вот, не очень ладишь... Может, забрать тебя?

Рика подняла глаза на дедушку.

– Деда, я тебе надоела?

– Да нет, я привычный. От тебя больше мороки было, когда ты пешком под стол ходила. Оставайся – хоть до школы, если хочешь... – дед был за неё, это Рика сразу поняла.

Поняла и очень обрадовалась. Вдвоём легче противостоять матери. Она осмелела и, для проверки своих позиций, даже решилась на хамство:

– Знаешь, мамочка – она постаралась, чтобы вышло как можно язвительнее, – наверное, я в школу здесь ходить буду. А к тебе на каникулы приезжать. Чтобы вам с дядей Серёжей обузой не быть... Так что, ты, когда в следующий раз приедешь, документы мои привези, для перевода. А потом можешь обо мне и не беспокоиться. У тебя получится. Папа

же смог...

Лицо у мамы побелело, и Рика почувствовала старый знакомый страх в животе, который всегда возникал, если она чем-то доводила маму, и уже пожалела, что так надерзила ей.
– Дрянь! – мать ударила её по губам.

Отчаянное, бешеное чувство подбросило Рикку. Это было сильнее. Настолько сильнее её и всех её страхов, что она уже не думала, не чувствовала их. Тарелка зазвенела. Стукнула об пол вилка. Чай выплеснулся из чашки. Чуть было не силой оттолкнув мать от двери, она ринулась в свою комнату.

Утро выдалось росистым и прохладным. Оттого, что роса покалывала холодными иголочками, а первые солнечные лучи горячими, Рике было зябко. Она с трудом разворошила заваленный лаз и пролезла на ту сторону.

После вчерашнего, после горячих слёз в подушку, после того, как она ни слова не ответила бабушке, который долго упрашивал её открыть дверь, Рика считала, что навсегда оборвала связь с семьёй. И теперь оставалось лишь одно место, куда она могла пойти...

Над полянкой было пасмурно. Нет, конечно, она не решилась идти к старице. Рика стала обрывать дикие мелкие и душистые ягоды. Обрывала и повторяла про себя: «Только не домой, только не возвращаться, только не домой, только не возвращаться...» А в душе свербило, скреблось чувство вины – и даже толком не понятно, вины ли перед бабушкой,

перед мамой, или перед самой собой, – противное чувство, от которого даже малина горчит!

Что же теперь – идти и просить прощения? Просить прощения – разве это не лицемерно, разве не подло – вынуждать её просить прощения у взрослых, которые ломают её жизнь, предают и врут. И при этом оказываются самыми близкими людьми. Людьми, от которых она зависит – потому что ещё маленькая, потому что ей надо где-то жить, что-то есть, не болеть, учиться, потому что ей некуда уйти. И поэтому она должна соглашаться и терпеть всё, что они делают? А кто им дал такое право?!

– Маринка!.. Ты куда пропала?

Рика вздрогнула и обернулась: позади стояла радостная Лебёшка с корзинкой, полной какой-то травы.

– Привет! Ты что здесь делаешь?

– Траву собирала, сушить будем, потом на лекарство пойдёт. Я всё хожу, хожу к оврагу, и сюда – вдруг тебя встречу. Ты чего не приходила? Болела?

– Не совсем... – Рика подумала, а потом выдала: – А я с мамой поссорилась. И ушла от них. Лебёшка, у тебя пожить можно?

– Ну, пошли, – покровительственно разрешила Лебёшка.

Лебёшка жила в таком доме, который называется хатой. Рика, когда ездила на море, видела хаты: хаты снаружи побеленные, крыша у них из соломы и как будто нависает над стеной. У Лебёшкиной хаты она нависала так низко, что взрос-

лому человеку пришлось бы наклонить голову, входя под стреху. Да и сама хата была низенькой. А стены были хоть и побелены, но не белым, а желтовато-серым, оттого под серым небом хата смотрелась грязной и неприветливой.

– Бабусю, мы прыйшли, – объявила Лебёшка, переходя на смесь русского и украинского.

– Здравствуйте, – робко сказала Рика, не увидев, к кому обращаться, потому что в первой половине, до большой русской печки, было пусто.

– Це Марына, можна вона в нас побудэ?

– Яка Марына? – донеслось из-за печи.

– З Лозовыць, до дида прыйихала, я тобі говорыла, – Лебёшка отвечала бабушке, а сама подталкивала Рику вперёд, в часть хаты за печью.

– Здрасьте, – ещё раз поздоровалась Рика, увидев, наконец, Лебёшкину бабушку.

Старуха сидела на табуретке за столом и лушила горох. На столе стояли два больших таза – для полных стручков и для вылущенных, и здоровая кастрюля, в которую ссыпались сухие горошины. Бабушке Лебёшки было, наверное, уже очень много лет, она больше походила на прабабушку, но то, что поразило Рику – не поношенная рубашка с вышивкой, не чёрный с малиновыми цветочками платок на голове и не несколько жёстких седых волосков по углам рта над верхней губой, а полная слепота старухи.

Рика никогда не видела слепых людей. То есть, конечно,

она понимала, что такие люди есть, что они где-то живут, учатся в специальных школах, иногда даже работают – но это было где-то далеко, может, где-то в другом городе. Она видела детей в очках с заклеенным стеклом. А в школе у них учился мальчик, которому один глаз выбили рогаткой, и он ходил с повязкой, как пират. Но тут мимо неё, чуть вбок, смотрели – совершенно безжизненно и жутковато – незрячие глаза.

– Здравсьте, – ещё раз сказала Рика.

Лебёшка усадила её за стол напротив старухи, и Рика тоже стала лущить горох.

На печке что-то завозилось, и из-под одеяла показалась мужская голова с торчащими в разные стороны волосами и красным, помятым со сна лицом.

– Лебёшка, сколько времени?

– Не знаю, вон часы висят, – Лебёшка была где-то за печкой, Рика её со своего места не видела.

А на стене действительно висели старинного вида ходики, может, даже с боем. Ходики показывали без двадцати одиннадцать.

– Так, ладно, я пошёл.

Мужчина слез с печи, кое-как пригладил волосы, шумно выпил из воды кружки со стола.

– Куды пошёл? – спросила старуха, беспокойно оборачивая в его сторону лицо.

– К Емельянке. Деньгу зарабатывать. Всё, до вечера, –

он поставил кружку, Рика услышала его последние слова, обращённые к Лебёшке: – Порты чистые мне заштопай, не забудь.

– Так це ты, Марына, яка потерчи волосся розчесала? – нарушила молчание старуха.

Рика поняла, что обращаются к ней, но не знала, что ответить и как.

– Она, она, – пришла на выручку Лебёшка, тоже присаживаясь – со штопкой на лавку.

– Смильва дивка, – похвалила старуха.

– А меня чуть не утопили, – вспомнив, что Лебёшкина бабушка знает о водянике, стала рассказывать Рика. – Там какой-то дядька, из него вода прям льётся, а голова рыба – он меня чуть не утопил в грязи, а собака чёрная на него кинулась, и я убежала...

Лебёшка так и замерла с иголкой в руке, а старуха – не долущив стручка.

– Як це було? – спросила Лебёшкина бабушка, стараясь по слуху определить, как повернуть лицо, чтобы оно смотрело на Рику.

Рика рассказала. Лебёшка живо слушала, глаза её блестели, даже рот от любопытства приоткрылся, она забыла про своё занятие и только, когда Рика закончила, яростно воткнула иголку в шитьё.

– Я же говорила! Я же говорила! Вот так они всех и топят.

Кончатъ с ними надо, с чертями. Давай попа позовём?

– А на яки гроши? Дура-дивка, мовчы, нычого нэ розумиешь!

– Та як же – нэ розумию, ты за них держишся, они тоби як друзи, хйба нэ знаешь, що...

– Я-то знаю, я бильшь твого знаю, – усмехнулась старуха. – Ну-ка, Марыно, дай мэни подывытыся, що ты за людына...

Лебёшка, поджимая губы, подвела Рика к старухе, и та руками прикоснулась к девочкиному лицу.

– Смилыва дытына... як теля, ласкова та вперта... любыты хочэ та сама лякається... – бормотала старуха, щекотно проводя кончиками пальцев по губам Рики; не все слова были понятными, а что-то и вообще трудно было разобрать, потому что Лебёшкина бабушка говорила совсем тихо.

Ходики стукнули, обозначая одиннадцать.

– Кажу, траву просушиты трэба, чы забула? – вдруг резко приказала старуха внучке.

– Ничого я нэ забула, чэкала, щоб хмара пройшла, – буркнула Лебёшка и, взяв корзинку, вышла из хаты.

Рика глянула в окно: действительно, на улице распогодилось, и даже солнце пробивалось из-за облаков.

– Потэрча тэбе любыть, вин зарады тэбэ всэ зробыть, – вдруг сказала старуха, продолжая шуршать стручками.

– Кто любит?

– Хлопчык, що у воды живэ.

– А почему он – потерча? – спросила Рика, заметив, что

Лебёшкина бабушка зовёт водяника этим странным словом.

– Тому що його маты прокляла, – отвечала старуха. – Колысь дивчына из сусиднього сэла прыходыть и каже: що мэни робыты, бо я дытыну ношу. Колы батько прознае, вин мэнэ забье, дай мэни траву таку, щоб у мэнэ той дытыны нэ було. Я кажу: «Олэна, це грех, нэ можна дытыну убываты». А вона як закрычыть: «Дытыну нэ можна, а мэнэ – можна? Та хай його бис возьмэ!» И побигла до воды, топытыся.

– И – утопилась? – ужаснулась Рика.

– Ни. Тоди злякалась. У лис пишла. Там зэмянка була потаенна. Я ей ижу носыла, одэжу. Колысь прышла – а йи нэма. Вона дытыну родыла, а куды сховала – нэ сказала.

– А что потом стало?

– Потим вона до батькив повэрнулася, навить замиж выйшла.

– А дитына, то есть, ребёнок?

– Вона ж його прокляла, може мэртвым поховала, можэ живым – всё одно, нэхрэщением. Нэхрэщена дытына – потэрча, вин тэпэр у водяныкив живэ. Як русалка. Покры в людыну нэ закохаеться, ничого з ным зробыты нэ можна.

– Как это – не закохается?

– Нэ полюбыть.

– А если полюбит?

– Тоди попросыть: хрэсты мэнэ. Як його хрэстыты, прокляття спадэ, його душка до Богови пойдэ. Я хотила, щоб Нылка його хрэстыла, тилькы вин тэбэ выбрав.

– А это правда, что Лебёшка может утонуть? – спросила Рика.

– Правда.

– А как вы узнали?

– Вона мэни нэ онучка. Нылка – Мыколына донька вид пэршой дружины, що помэрла; а моя мэньша донька за його выйшла, тилькы нэдовго воны любылы одын одного. Вона збигла з иньшым парубком... А колы я на дивчынку подывылася, ще мои очы бачыты могли, я сказала – ця дивчынка може втонуты.

Рике стало тягуче-страшно, словно болото, в котором она чуть не погибла, снова разверзлось под ногами.

– Бабусю, закинчуйтэ, я зараз затирку готовить буду, – объявила Лебёшка, вернувшись в хату.

Тяжёлое настроение не покидало Рику до самого вечера, она, как могла, пыталась скрыть его от Лебёшки. Ещё утром ей обязательно хотелось увидеться с водяником. А теперь... Она сама не знала.

Рика вышла на задний двор и оперлась на плетень, выкרוив себе несколько минут одиночества и напряжённых размышлений.

Она чувствовала себя бомбой – тикает внутри какой-то механизм, нельзя выключить, и всё оно должно взорваться – и её тогда не будет, и его...

А если сбежать? Вернуться к матери... уехать с ней в го-

род... оставить всё, как есть...

Неужели же он мёртвый? Ведь он ест и, когда не замедляет время, на ощупь тёплый – она же его за руку держала, и рука была тёплой! Это живой человек! Так не бывает!

Выходит, он старше Лебёшки? На вид – разве, что на год... Но, наверное, на самом деле старше – он же время замедляет...

И что теперь? Неужели же он попросит её? Нет, наверняка он не захочет...

Крестить... Она даже ни одной молитвы не знает... Говорят, только священники могут крестить, в церкви...

Нет, конечно, он не захочет... он не попросит...

Но почему Лебёшке не уехать – куда-нибудь, подальше? И всем будет хорошо!...

Лебёшка вышла из хаты и подошла к ней:

– Ты –чего?

– Я... пойду домой, мне надо...

Хорошо, что Лебёшка её провожать не стала – не к чему ей знать, как Рика попадает в их мир. Дорогу девочка запомнила, поэтому в лес вошла быстро. Вошла – и остановилась.

Тихо как... Даже птицы не поют...

Мама с дедушкой, наверное, волнуются. Может, даже простили её. И она уже на маму не сердится. Ей даже извиниться не стыдно. Но возвращаться в дом – не хочется. Говорить не хочется. То, что действительно отрезало её от всех – не

вчерашняя ссора, а эта страшная тайна. И не с кем посоветоваться, некому отдать свою проблему – как хочешь, так и решай...

И из этого замкнутого пространства только одно вело, как спасительная тропка: «потэрча тэбэ любыть».

Рике непременно захотелось удостовериться в этой любви – сейчас же, сию минуту. Но она боялась. Она боялась, как бы эта любовь не отняла у неё водяника, но и нетерпеливо желала, чтобы сбылось «вин зарады тэбэ всэ зробыть». Сбылось сейчас. Бесповоротно. И решило за неё всё.

Так бывает: мучительно притягательно и страшно смотреть вниз с высоты, когда один только шаг отделяет твоё живое «здесь» от твоего вероятно мёртвого «там». Так было, когда она лежала животом на тонких ветках над озером, а под ней ходили на глубине чёрные гигантские тени.

А вот когда рыбак превратился в чудовище, было просто страшно. Скомкано, без сладковатого привкуса...

«Водяничек, миленький, ну встреться, ну встреться мне», – просила она мысленно, пробираясь к старице. В ней волной поднялась – и откуда же? – великая, таинственная, необъяснимая нежность, такая небывалая, что готова и саму Рику над землёй поднять – от одних только слов «вин зарады тэбэ всэ зробыть». И от этой нежности даже слёзы на глазах наворачивались.

Вечер собирался над лесом. Солнце уже село, но кое-где

светлые полосы, словно следы чьих-то когтистых лап, ещё тускло поблёскивали на деревьях.

Место было тихое и чужое. Рика поняла, что заблудилась.

Она пошла тише, потом ещё, ещё – и, наконец, остановилась. Села на землю под деревом. Придавили усталость, тяжесть и какое-то всёравношное настроение. Она вспомнила, как в первую их встречу на закате расчёсывала водянику кудри – такие же рыжеватые, как солнечный уходящий свет. Рике стало совсем себя жалко. Но в оцепенении слёзы не приходят, она теперь и плакать не могла, только сидела, глядя на шершавую, в глубоких бороздках-морщинах кору дерева – глядя и не видя.

Шорох поблизости мгновенно вернул её к действительности: ещё и не поняв, что случилось, она рывком вскочила на ноги.

Собака, чёрная собака, которая спасла её на старнице, теперь стояла и смотрела на неё.

– Привет... А я тебя искала... – после минутной паузы выдала из себя Рика.

Ей стало неловко от своих переживаний. Она почувствовала, что ни за что не признается ему – даже в образе собаки появившемуся у её ног, – в своих чувствах. Мысленно она даже обругала себя дурой, чтобы выгнать из души эту никчемную нежность и слабость.

Собака подошла и обнюхала её. Рика присела на корточки

и погладила мягкую блестящую шерстку.

– Тебе за меня потом сильно досталось? – виновато спросила она. – Почему ты в человека не превращаешься?

Собака села, облизнулась – что бы значил такой ответ? – потом встала и направилась в лес. Рика поняла, что её куда-то зовут, и пошла следом.

На полянке, куда собака вывела её, Рика увидела огромную расколотую молнией берёзу. Ещё несколько тоненьких деревьев были сломлены бурей, их стволы не упали, а повисли, зацепившись ветками за соседние уцелевшие.

У Рики саднило ноги: исцарапала о валежник и колючий бурьян, пока пробиралась за своим поводырём. Но она молчала – не ныла и не бубнила под нос, как наверняка давно уже стала бы, если бы водяник был обычным мальчиком, вроде её одноклассников в городе.

Собака пролезла под обуглившейся частью расколотого ствола, полулежавшей на земле.

– Стой, стой! Я же не могу так! Мне надо обойти! – не сдержала восклицания Рика.

Пока она обежала берёзу, собака исчезла. Даже высокая трава не колыхалась.

– Эй, ты где? – Рика панически оглянулась по всем сторонам.

– Шшш, тут. Не шуми.

Водяник, уже обычным мальчиком, шагнул ей навстречу.

Рика была уверена, что секунду назад его там, где теперь он стоял, не было. Вот как! Всё-таки не одна она может ходить между мирами и становиться невидимой. Но сейчас она не придавала этому значения и только обрадовалась возможности видеть его снова: человеком и рядом с собой, настоящим, живым...

Живым? Рика протянула руку и смело взяла его ладонь. Все прежние прикосновения были как-то само собой, ничего не значили, но тут у Рики горели щёки и уши, ей было обязательно нужно дотронуться до него, убедиться, что всё это враки. Он – живой...

– У тебя рука горячая... Ты заболела?

Рика вспомнила первую встречу с Лебёшкой, как та сказала, что у водяников кровь холодная.

– Нет, это у тебя просто пальцы холоднее моих, – тихо произнесла девочка, быстро и неловко отнимая ладонь. – Что это за место?

– Болото. Вон там, подальше – уже топь.

– Ты меня утопить привёл?

– Очень смешно. Я тебе хочу что-то показать. Я тебе ещё тогда хотел, когда тебя наш Дядька напугал. Ты из-за него потом не приходила?

– Ага. Он же просто монстр! Он меня убить хотел!

– Он просто пугал. Он же видел, на тебе крестик был. Крещёному трудно на суше навредить, разве только защекотать...

Рика насторожилась. Помолчала и спросила:

– А ты... защекотал кого-нибудь... насмерть?

На лице у водяника она прочитала удивление.

– Нет... Это русалки любят, а мы – нет...

– А если ты знал, что твой Дядька мне ничего не сделает – зачем ты его укусил? Ну, когда в собаку превратился...

– Ты тогда страшно кричала... Я испугался, что ты от страха умрёшь... Такое, знаешь, с людьми бывает...

– Знаю...

– А вообще ты громко кричишь! – это его заключение выглядело как похвала, и Рика согласилась с улыбкой:

– Ага. Ты ещё не слышал, как я ору, когда злая и голодная. Слушай, а у вас тут и русалки есть? Прямо настоящие, с хвостами?

– С какими хвостами?

– Ну, с рыбьими...

– Никаких хвостов у них нету. Голые бегают, как дуры, по лесу, одно знают – щекотаться. У баб крещёных, когда те стирают, одежду крадут. Ну, утопить тоже могут. И они очень сильные, у них руки – как железные! – Водяник даже сжал кулаки, показывая, какая у русалок хватка. Потом заметил: – И для Лебёшки русалки опаснее. С ними трудно договориться, они тёмные.

– Тёмные?

– Злые, – объяснил мальчик. – В русалки-то от злобы часто попадают. Вот утопится какая-нибудь девушка, а для

крещёных это очень плохо, мне Дядька говорил, она и становится русалкой. А утопилась же не от радости: обидел кто-то. И вся её злоба с того времени в тысячу раз сильнее становится. Оттого, что ей нельзя от злобы избавиться, оттого, что ей за своеволие до конца света в воде жить, она и бесится. Ну и мстит людям, уняться не может.

Они гадкие, русалки, только видом на человека похожи, а всё остальное – тьфу! – подвёл итог водяник.

– А я думала, они с вами. Что водяные на русалках желятся.

Мальчик только брезгливо скривился.

– Так что ты мне показать хочешь?

– А! Вспомнила! Жди, пока стемнеет, оно только ночью видно.

– Да что это?

– Не скажу. Терпи, уже чуть-чуть осталось.

Он был прав: вокруг них темнело, и только берёзовые стволы выделялись из сумеречной шелестящей листвы своей белизной.

– Слушай, а... если бы я тогда от страха умерла... ты... чтоб ты сделал? – спросила Рика. На самом деле она хотела спросить, правда ли, что водяник её любит, но не спросишь же такое прямо!

– Не знаю. Зачем спрашивать?

– Ну-у... А если я осенью обратно в город уеду?

– Надолго?

– До следующего лета.

– Это не так долго. Я тебя подожду. А зимой мы вообще спим.

– А если так случится, что не вернусь?

– Что ты всё «а если, а если», Босоножка! Что случилось?

– Ничего, – Рика отвернулась. – Просто... просто хочу, чтобы ты знал: я бы по тебе скучала.

Ах, зачем, зачем она хотела выведать то, что не должна знать! Только сама спалилась, балда несчастная. Не умеешь выведывать – не берись, спроси прямо, а боишься, так и вовсе молчи. «Мовчы, дура-дивка», – вспомнилось ей сегодняшнее пребывание в гостях у Лебёшки и её странной бабушки. Вот именно: дура-дивка!

– Босоножка! – водяник взял её за плечи и повернул к себе. – Что ты, плачешь?

– Дурак ты! – всхлипнула Рика.

– Да ты сама этот разговор начала, – оправдываясь и укоряя её, сказал водяник, чем, конечно, ещё больше разозлил.

– Ты меня сюда притащил и ещё ждать заставил...

– Я же не знал, что ты реветь станешь!

– Я и не реву!

Разговор грозил перейти в ссору, но водяник вдруг всё изменил:

– Ладно, смотри, уже – начинается...

Рика подняла глаза. В начале она ничего не увидела. Потом увидела: мелкие, словно точки, огоньки над топью.

Огоньки то вспыхивали, то пропадали, то зависали в темноте, то начинали плавно перемещаться, не поднимаясь – вправо, влево, – соединялись и расходились...

– Что это?

– Болотники. Они клады стерегут. Люди их боятся, что в трясину заманят, но ты не бойся – со мной они тебя не тронут. Только сиди смирно.

Но Рика и так боялась шелохнуться. Зато огоньки будто осмелели: они стали ярче и проворней, даже затеяли какую-то игру на болоте, запестрели, замельтешили в одном месте, а потом начали собираться в круги – в большие и маленькие хороводы. Рика вдруг заметила, что один огонёк подобрался почти к самой её ноге.

– Водя-аник! – шёпотом позвала она на помощь, не сводя глаз с живого голубого язычка.

– Не шевелись. Всё будет хорошо.

– Он меня поджечь может! – панически сжалась Рика.

– Нет, он холодный. Сиди спокойно.

Да уж, спокойно! Как тут спокойно сидеть, когда огонёк уже у самой ноги!

– Ай, щекотный!

Холодный язычок лизнул щиколотку. Рике стоило усилия не отдернуть ногу. Но, в общем, ничего не произошло – нога не загорелась, никаких следов пламя не оставило.

Огонёк повёл себя точно, как собачка, то есть, обнюхал рикину ногу, лизнул и – побежал обратно к своим, на боло-

то. Рике даже жаль стало, что их общение так быстро закончилось.

– Водяник, а если одного поймать и в банку посадить? – предложила она.

– Зачем? – удивился мальчик.

– Просто. Прикольный же! Ни у кого такого нет, а у меня – будет.

– Нехорошо это.

– Почему?

– Болотники только ночью появляются и только на болоте. Ты его дальше этой поляны и не унесёшь, даже если он тебе в руки дастся. Да и гиблое дело – болотников ловить. Заманят в топь, и поминай, как звали... Смотри, смотри – сейчас! – вдруг сам себя оборвал он. – Вот, где сейчас цветок раскроется – там клад, запоминай место!

Голубые огоньки соединились в один большой, формой похожий на луковицу. Он, большой, всё рос и набухал и, наконец, стал раскрываться – как кувшинка, расходясь голубыми мерцающими лепестками.

– Как красиво! – восхищённо прошептала Рика.

Это чудо только несколько секунд переливалось над болотом, потом быстро начало бледнеть и совсем пропало.

– Всё. Теперь только через месяц снова поднимутся, когда силы наберутся – сказал водяник.

Было темно, они стояли рядом – две чёрные тени на чёрном болоте у сгоревшей берёзы.

– Запомнила, где это? Завтра придём днём, может, достать сумеем...

– Да ты что!

– Я слово хочу сдержать, ты же меня расчесала.

– Ой, правда, а я совсем забыла... А знаешь, как хорошо было бы, если бы мы клад нашли!

Рика подумала, как бы это было хорошо для неё – она бы, может быть, совсем перестала зависеть от мамы...

Водяник проводил её до малины.

– Ты приходи завтра. Прямо утром. Я тебя вот здесь буду ждать, – наказывал он ей.

– А что мне взять? Верёвку надо? Лопату?

– Ничего не надо. Сама приходи.

– Да приду, приду уж.

– И ничего не бойся. Только крест свой не снимай... Чтоб болотники тебя не утянули.

Рика машинально тронула шнурочек на шее. Всякое упоминание водяником креста заставляло её напрягаться – а вдруг попросит?

– Ладно. Пока, до завтра. Уже поздно. Меня, наверное, дома порвут... – И она нырнула в свою нору в малине.

Главное, не давать разговору уходить в опасную сторону. Ради этого и соврать можно. Хотя, дома, сто пудов, нагоняй сегодня будет – Рика была уверена; так что сейчас вышла даже и не отмазка, а чистая правда.

Ей было тоскливо возвращаться домой: внутренний страх перед матерью снова поднялся из самого живота и покачивался где-то под горлом, подстрекая тошноту. Хотя Рика знала, что, в сущности, мать ничего ей не сможет сделать. Ну, поругает, может, пощёчину влепит – это самое крутое наказание. Мать Рику редко наказывала физически, даже когда та была маленькой, и шлёпать было удобно. Не купит что-нибудь? Да Рика и не попросит. Телефон отберёт? Рика к вещам не привязана, подруг, которым очень хочется позвонить, нет – их двор весь разъехался на лето, а в классе как-то не сложилось близкой дружбы. Ничего ведь страшного.

Но страх не принимал логики. Он просто был. И никуда не собирался уходить.

Рика глубоко вдохнула, сдерживая его.

Их окна не светились. Только обойдя дом, со стороны улицы она увидела деда. Тот стоял у калитки и курил. Курил не первую сигарету – фонарь рядом с их двором хорошо освещал землю, и там Рика увидела ещё окурки.

– Деда, ты же не куришь, – боязливо начала она.

Сигарета из руки его выпала. И падала медленно, и роняла искорки, и медленно гасла на земле – так Рике показалось. Словно она тоже научилась замедлять время.

Дед быстро прижал окурочок ногой.

– Ну ты и подкралась! Откуда нарисовалась, а? Как я тебя проглядел... – он хлопнул руками, выражая досаду на самого себя. – Да, вот, с самого Афгана не курил... А с вами

закуришь!..

– Извини, у меня денег на телефоне не было, чтобы предупредить... – она говорила правду, но чувствовала, что лжёт, ведь, были бы деньги, всё равно не позвонила, даже если бы не провела день по ту сторону малины... Всегда приходится врать. Даже тем, кому не хочешь...

– А ты в Афгане курил? А почему бросил?

– А я, как пришёл, я не только курил. Я и водку пил. Много. Я, понимаешь, много тогда про жизнь узнал, про людей...

– Плохого?

– Плохого. И хорошего тоже узнал, но тогда только плохое замечал. И о себе мнение изменил. Не в лучшую сторону... Вот так. А бабушке твоей в один прекрасный день это надоело. «Ты, – говорит, – когда всё это дерьмо увидел – когда тебе за тридцать? А до этого ты – как, хорошо жил? В людей верил?» Я говорю: «Верил, потому что дурак был». А она: «А я, значит, тоже дура, потому что в тебя до сих пор верю. У тебя дочка растёт. Она рядом нормального мужика должна видеть, а не пьянь. Ты – самый главный человек для неё. Муж... Может, будет тот муж, может, нет... А тебя ей никто не заменит. Чтобы в тридцать лет она, вот также, когда плакать будет, что кругом одни мерзавцы, тебя вспомнила. И не удавилась с тоски. А знала, что не все на земле – подонки, и не на каком-то особом острове хорошие люди живут, а рядом...»

– И ты тогда курить и пить бросил?

– Ну, вроде... Сегодня, видишь, сорвался...

– Потому что я сволочью оказалась?

– Да какая ж ты сволочь... Нет, конечно... Но так, как сегодня, больше не делай. Это – как под дых дать. Всё можно решить, всё исправить, а матери здоровье не вернёшь...

– А мама – где? – на секунду Рике показалось, что слова деда имеют прямое значение: маме стало плохо и она в больнице.

– Домой поехала, проверять, не удрала ли ты в город. Давай ей позвоним, пошли домой...

С дедом звонить было не страшно. Рика сама набрала мамин номер.

– Мам! Прости, я не могла позвонить... телефон... там денег не было... Я дома. Извини, что так получилось...

У Рики не хватило смелости только на одно: не оправдываться.

Мама на той стороне вздохнула:

– Ладно, потом поговорим. Ты хоть ни с кем не подралась на этот раз?

– Не...

– Слава Богу... Поела?

– Нет ещё, только зашли...

– Дай дедушку на минуточку.

Из дедушкиного разговора Рика поняла, что мама переночует дома, а потом утренней электричкой вернётся назад. Ещё она поняла, что страшного наказания не предвидится,

и, похоже, что благодарить за это нужно дедушку. Пока Рика пропадала с Лебёшкой и водяником, у деда с матерью был какой-то, очевидно, очень серьёзный разговор. И мама что-то дедушке обещала, потому что, заканчивая говорить с ней, дед веско сказал в трубку: «Ты помнишь. Мы договорились. Завтра мы тебя ждём».

Она спала крепко, сильно устала от впечатлений прошедшего дня и беготни по лесу. Оттого пробуждение вышло тяжёлым: будто и ты, и не ты – часть тебя смотрит на всё сонными глазами, всё видит, но не понимает ни причин, ни времени, ни места. А потом другая часть откуда-то издалека с трудом пробивается и медленно возвращает тебе чувство реальности.

Жёлтый свет падал из соседней комнаты к ней в тёмную спальню. Значит, ночь ещё не кончилась – а кажется, прошло много времени... В коридоре люди, чужие. Их не видно, слышны только голоса – женские. А разбудил её дедушка, он наклонился к ней.

– Мариночка, мне тут нехорошо стало... – дедушка словно чувствовал себя виноватым, – пришлось доктора вызвать... В общем, они хотят меня забрать в больницу. Прямо сейчас. Давай, мы маму уж будить не станем, я поеду, утром тебе и ей позвоню... Ты не волнуйся, только хорошо за нами дверь запри. Покушать утром – в холодильнике найдёшь, а потом мама приедет. Да, может, меня уже отпустят...

Женщина из коридора громко и нетерпеливо окликнула дедушку, и он торопливо, но с трудом пошёл в освещённую комнату.

Рика кое-как вдела ноги в тапки, одёрнула ночную рубашку и поплелась за ним. Женщины, врач и фельдшер с железной коробкой, уже были на веранде.

– Внучка? – деловито спросила фельдшер.

– Да, Марина. На каникулы приехала, а дед подвёл, – обуваясь, сказал дедушка.

Говорил он как-то тяжело, не очень внятно, и двигался неуверенно, хотя и очень старался не задерживать медиков. Врач его поддержала за локоть.

– Ничего, ничего. Большая уже девочка, сама на хозяйстве справится. Родители приехать смогут?

– Да, дочка завтра приезжает...

Рика заперла за ними и калитку, и дверь. Вернувшись в комнату, увидела пустые ампулы. Нос чувствовал запах лекарств.

Спать расхотелось. На сердце было тяжело и тревожно. На часах – без четверти три. Ещё, как минимум, три с половиной часа она не должна звонить маме. Три часа одной в доме с гнетущей неизвестностью и мыслями, что это из-за её выходы дедушку забрали в больницу. И потом – как она скажет это матери? Та же её убьёт. Никогда не простит ТАКОЕ.

Рика сжала губы. Надо выдержать. Дед на неё рассчиты-

вает.

Она пошла на кухню, по дороге включая свет везде, окружая себя им, словно отгораживаясь от тёмных мыслей и страхов.

Полезла в холодильник, нашла там сардельки, вчерашний суп, молоко, яйца, тушёную капусту, которой они ужинали.

Суп надо бы свежий, лучше бульон. Из курицы. Это она точно усвоила, поскольку, как только заболела чем-то серьёзным, мама варила ей именно куриный бульон – говорила, что очень полезно.

Сама Рика не особенно умела готовить, как варить курицу, имела смутное представление – значит, с бульоном не получится. Тем более, что курицы нет, в морозильнике какой-то кусище мяса, но явно не куриного. Значит, нужно чистить картошку. Картошка – тоже полезно. И ей по силам. Можно сварить, истолочь и в термосе отнести бабушке утром: в больнице, тем более в какой-то поселковой, ведь кормят невкусно. А она нарвёт с грядки огурцов и помидоров, сардельку сварит, картошки натолчёт... Успокаивая себя такими мыслями, Рика ловко счищала шкурку с картофельных клубней.

Термоса Рика не нашла, сваренную картошку вместе с кастрюлей пришлось завернуть в одеяло. На улице посветлело, и девочка отправилась на бабушкин огород за огурцами и помидорами.

Вернулась – и ей ужасно захотелось спать, она прилегла

«на десять минуточек», а проснулась... проснулась, когда был уже десятый час.

Рика занервничала. Если мама, как обещала, села на раннюю электричку, то скоро она будет здесь. Звонить или не звонить? А если она её прямо по телефону в электричке отчитывать будет? И все будут слушать – как интересно!

Не позвонишь, она ещё подумает, что Рика всю ночь преспокойненько дрыхла, что на дедушку ей было наплевать. А если позвонишь, спросит, почему так поздно позвонила – опять же дрыхла, опять же, получается, на дедушку наплевать... Как ни крути, опять виновата... Во всём виновата...

– Кто бы знал, как с вами тяжело, с взрослыми! – пожаловалась Рика громко и печально, зная, что взрослые её не услышат.

Тут она вспомнила, что надо покормить Шарика, Фроську и Муську, которые ночевали во дворе. Конечно, все трое с удовольствием бы слопали сардельки и молоко, но сам вопрос был отличным поводом позвонить матери!

«Привет, мам! Ты только не волнуйся. Дедушка поехал в больницу, а мне не сказал, чем кормить Шарика и кошек. Что мне делать? Ты скоро приедешь?» – Рика хорошо обдумала и несколько раз потренировалась, прежде чем сказать это в телефонную трубку, но всё равно очень волновалась.

Но мама только строго крикнула: «Я подъезжаю. Потом перезвоню» и сбросила вызов. Похоже, Рику ещё ждёт выволочка.

Она, держа в руках мобильный, подошла к окну. Увидела желтеющие листья на кустах смородины, Муську и Фроську, сидящих у крыльца в ожидании привычного завтрака.

Сейчас мама будет спрашивать про дедушку... А Рика даже не знает, в какой палате он лежит. Вот, в сериалах всегда показывают, как испуганные родственники всю ночь сидят на стульчиках в больничном коридоре, а потом бросаются к врачу: «Доктор, ну как он?» Или она, если фильм о женщине. И ей, Рике, тоже, наверное, нужно было поехать в больницу вместе с дедом и ночевать на стульчике. «Скотина неблагодарная», – скажет мама, и, самое паршивое, что будет права. Рика всхлипнула.

Телефон злорадно запел популярную песенку.

– Алё, – сказала Рика скорбно, так, что мама даже перестала говорить строгим голосом.

Её не ругали. Мама даже назвала «бедным ребёнком», и Рика не обиделась на «ребёнка».

Войдя в дом, мама попробовала её стряпню и сказала, что сгодится. Заставила выпить чаю и съесть хлеба с маслом (ничего серьёзнее во взволнованную Рикку просто не лезло). Пока девочка пила чай, мама кормила кошек хлебом с молоком и Шарика сарделькой. Шарик был очень рад: дед его частенько держал на каше и костях. Рика подумала, что сарделька для пса вроде чипсов или ореховых батончиков: не полезно, зато вон, как хвостом виляет!

Потом пошли навещать дедушку. Рика в больнице удивили теснота, запах старого дерева и оконной замазки, и ещё какой-то запах, в котором соединились пригоревший омлет, лекарства и мокрая половая тряпка. Впрочем, там было чисто и довольно уютно, как бывает уютно в деревенском доме. Все: сёстры, санитарка, провожавшая их в палату, больные, – в раскрытые двери, – все их рассматривали, это было очень неприятно, но Рика про себя прошептала: «Плевать», – и сделала вид, что ничего не замечает.

Дедушку должны были выписать через две недели, это совсем близко к школе. Рика, удостоверившись в том, что дедушка ходит по палате и даже может выходить на больничный дворик, повеселела. Потом, когда вернулись, когда мама занялась дома хозяйством, Рика ещё раз сбегала к дедушке: принесла ему букет цветов из сада. Она пообещала следить за цветами в саду и в доме.

В самом безмятежном настроении девочка отправилась домой. И только тут вспомнила о водянике.

Нехорошо получилось. Не предупредила. Он, небось, её всеми словами кроет... А интересно, водяники умеют ругаться матом?.. Но самое плохое, что ей почему-то не хочется сейчас идти к нему. И даже не в том дело, что водяник может ей выговорить за невыполненное обещание. Конечно, не в том.

Но в чём – на это и сама Рика не могла найти ответа.

Но, хочешь – не хочешь, а сходить за малинник придётся;

тут лучше уж не откладывать, пока мама не взяла все её перемещения под контроль. Прямо сейчас и надо, хотя бы для того, чтобы на время попроситься с водяником. А там – там, может, она уедет в город...

Слова старухи о любви сегодня казались Рике ненастоящими – глупыми, выдуманными. Всё как-то выцвело и поблекло, даже вчерашние приключения на болоте, ярко-голубые огоньки и волшебный цветок на месте клада. Ей как будто объявили, что всё это было сном, и она с облегчением приняла это известие.

Рике пришлось зайти в дом и сказать маме, что она идёт гулять надолго. И опять пришлось врать: на этот раз про то, что нужно собрать гербарий к сентябрю для кабинета биологии, потому что у них в следующем году будет биология. И опять это было полуправдой: биология должна была быть, но гербарий попросили собрать от класса, и активисты-отличники уже пообещали это сделать сами.

Рика не дружила с отличниками, хотя у самой половина оценок в дневнике была из пятёрок. Просто отличники были как бы первым сортом. Их отправляли на олимпиады. Учителя с ними общались немного по-иному, чем со всеми. «На них редко орут», – так определяла для себя Рика разницу в социальном положении. На неё саму, впрочем, тоже повышали голос редко, и обычно даже не на неё, а на весь класс, с которым вместе она была каким-то целым существом: ленивым и непослушным. На неё не «орали» потому, что Ри-

ка умела не выделяться, – хотя давалось это ей с большим трудом, – опускать взгляд в тетрадку, когда знаешь, что можешь хорошо ответить, чтобы всё-таки вызвали не тебя, а другого, уклоняться от всех творческих и общественных заданий, – не принципиально, а лениво, чтобы все думали, что тебе просто неохота. Учителя с самого начала определили её и десяток других к массовке, и Рика поняла, что лучше их в этом не разубеждать. Безопаснее.

В какой-то момент она почувствовала в своём внутреннем отстранении силу, даже власть – представляться не тем, что ты есть. Её худенькое двенадцатилетнее тельце, только начавшее путь из подростка в девушку, хранило мечты и чувства своей хозяйки твёрже самого неприступного замка. И через две маленькие бойницы смотрели насмешливо и отчуждённо на всех серые маринкины глаза. Она уже научилась не прощать и таиться, она знала, что в пору взросления придётся выдержать не одну осаду внутри самой себя, и думала, что готова к этому.

Но здесь, в Лозовицах, всё было не так, всё сбивало её с толку, и она уже не верила в свой надёжный Неприступный замок, ей хотелось убежать из него. Но куда убежать, где спрятаться, кому доверится? Вчера она готова была безоговорочно верить водянику. Сегодня – всё сделать ради деда. Даже с мамой она почти помирилась, и чувствовала, что пошла на это искренне. Но именно искренность, да, эта искренность и была капитуляцией, предательством замка. И такое

внутреннее предательство угнетало Рику, больше всего злило и расстраивало.

– Босоножка, стой, я здесь!

Озёрный мальчик ждал её, он прятался где-то неподалёку. Хорошо прятался, потому что, не оклики он Рику, не выйди на полянку, ни за что бы не заметила она его, побежала бы к старице. Рику занимали эти мысли, и она не сразу осознала, что с водяником что-то не так. Такое выражение лица бывает, когда случается что-то очень, очень плохое...

– Я извиниться хотела... У меня дедушку в больницу положили... Я не смогла прийти...

Выдохнув то, что должна была сказать, Рика наконец смогла увидеть: Водяник плакал, у него глаза были красные...

– Босоножка, если бы ты пришла!.. – горько сказал он.

– Но я не могла, не могла! Не могла я, когда дедушка в больнице, а у мамы ключа нет... Да что случилось?

Мальчик опустил голову так низко, и прошептал так тихо, что Рика еле слышала, а, услышав, не поверила:

– Лебёшка утонула.

– Как утонула?!

– В болоте. Утром. Они с отцом хотели достать клад, который я для тебя нашёл. Я не знаю... они следили за тобой, наверное, когда ты из Дементьева ушла... И нашли то место... Я тебя ждал, потом почувствовал, что клад шевельнулся, и

побежал на болото, а там... Я ничего бы не смог сделать... они кресты сняли, их болотники утянули...

– Зачем кресты сняли? – механически спросила Рика.

– Чтобы клад достать. Думали, клад заговорённый, чтобы он не исчез, не превратился в землю, чтоб его болотники отдали, нужно его без креста доставать... Он, клад, стал в болото их тянуть, а они его – вытаскивать. Я их просил, чтобы они бросили, но они не бросили. Понимаешь? Лебёшка ещё крикнула: «За болотом немного положено – мне приходится взять. Отойди, нечистая сила, не тобой положено, не тебе и стеречь». Я знаю, это её бабка научила, это заклятие, из-за него я подойти не смог, а Лебёшку в болото затянуло, вместе с отцом, вместе с кладом... Я им говорил, я говорил, что этот клад не для них, что это твой клад, он им не дастся, но они не слушали... Зачем, зачем они меня не послушали!..

– Так что, и я виновата, что этот клад – мой? Да лучше бы его никогда не было! И тебя не было! И болота твоего не было! И озера! – Рика была в отчаянии. – Зачем ты только про этот клад вообще рассказал! И водяники твои тоже виноваты! Почему ей никто не помог? Клада жалко было отдавать, да? Вы с болотниками заодно! Как вы топить умеете, я знаю, как болото вокруг человека появляется. Ты мне нарочно его показал, думал, я в болото сразу и полезу! Не получилось со мной – получилось с Лебёшкой! Вы страшные, злые... вы – бесы! – иступлённо выкрикнула девочка самое страшное обвинение. – Отойди от меня! – и водяник отшат-

нулся, такой ненавистью и страхом било от Рики. – Мама! – взвизгнула она и бросилась в лаз на свою сторону...

Ночь была самой страшной в жизни Рики ночью. Ей при-
снилась Лебёшка, мокрая, в болотной грязи. Глаза у Лебёш-
ки были большие, как у рыбы, и рот почему-то тоже рыбий.
«Я в болоте», – сказала Лебёшка. «Я знаю», – ответила Ри-
ка, хотя чувствовала, что её собственный рот при этом не
открывался. Но Лебёшка всё равно её как-то слышала. «Там
темно и холодно», – пожаловалась утопленница. «Твоя ба-
бушка знает?» – спросила Рика. – «На берёзе мой крестик,
я до него дотянуться не могу. Дашь мне свой?» – и Лебёшка
взяла её ледяной, мокрой ладошкой за локоть...

Рика оттолкнула её и в ужасе проснулась. Рука, которую
она во сне выпростала из-под покрывала, замёрзла: с каждой
ночью в августе становилось прохладнее, а сегодня, вот, да-
же замёрзнуть можно. Рика глубже зарылась в постель и по-
спешила крепко-крепко зажмуриться, изо всех сил надеясь,
что Лебёшка больше не появится.

– Дедушка, я спросить хотела одну вещь...

Они сидели на скамеечке в больничном дворике, Рика
сосредоточенно колупала голубую, осыпающуюся с доски,
краску.

– Что, с мамой опять поскандалила?

– Нет. Дед, а вот если, например, один человек идёт ку-

паться, а ему говорят, что не надо, а он всё равно, назло идёт, а потом тонет, а кто-нибудь, кто его отговаривал, на берегу в это время стоит, но спасти его не может... он сильно виноват?

– Кто? Который тонул или который не спас?

– Который не спас... И который тонул...

– Откуда это ты взяла такое?

– Кино смотрела, – соврала Рика. – Ужастик. Этот, который утонул, потом девушке того, который не спас, приснился.

– Что за ерунду ты по телевизору смотришь, а!

– Ну, деда, ну скажи, ты как думаешь?

– Нас же там не было... А почему он не спас – побоялся, не захотел или просто плавать не умел?

– Говорит, что тот, который тонул, место это заколдовал, чтобы никто подступиться не мог. Ну, это же ужастик, там всякие мистические дела происходят, как в сказке, только страшные, – пояснила Рика, боясь, что дед перестанет говорить на несерьёзную тему.

– Понятно. Выходит, тот, который утонул, виноват. По глупости и утонул. Но всё равно это считается несчастным случаем – погиб же человек. И тот, который не спас, переживать будет. Вот, Кольку Минакова если вспомнить, земля ему пухом... Ведь он сильно пил, и жену свою бивал, и сама она часто в сердцах говорила, что скоро он от пьянки загниётся. А погиб когда – сильно горевала, и такими ласковыми словами

его называла... Потому что, когда человек уходит, если это не Гитлер какой-нибудь совсем, всё равно жалко его...

– Деда, а тебе жалко было тех, которых ты на войне должен был убивать? – вдруг спросила Рика.

– Нет. Тогда нет. Нас этому учили. Если бы мы во время боя стали бы размышлять, кого-то жалеть, нас бы всех быстренько поубивали. И потом трудно жалеть того, кто в тебя стреляет и на твоих глазах убивает твоих товарищей... Но сейчас, конечно, мне жаль, что всё это было, что я убивал других людей, хотя бы и врагов. Если бы не политика, мы бы даже не знали, что они где-то живут. Они бы, может быть, до старости дожили спокойно, и мои друзья бы там не погибли... Как человеку, мне жаль, как солдату – нет... Вот так-то ты дедушку проведываешь! После таких разговоров хоть под капельницу ложись! – дед смял разговор, зашедший не туда.

– Я не буду больше, – тихо сказала Рика. – Ты, пожалуйста, не болей.

А потом добавила: «Я тебя очень люблю» и обняла деда, будто забыв, что они во дворе и все на неё смотрят.

Рика не пошла домой, она поняла, что сейчас ей туда нельзя: стоит только ступить на веранду, даже на коврик перед входной дверью, услышать шорох резины под ногами, взяться за гладко-гладкую пожелтевшую от времени пластмассовую ручку, стоит только учуять носом запах дома, увидеть маму – и она уже никогда не сможет уйти в тот, другой мир, в

котором существуют водяники, из которого приходит мёртвая Лебёшка. Потому что ей очень-очень страшно. И она перелезла собственный забор: чтобы не ступать на запретную территорию, чтобы попасть прямо в сад, в малину.

Рика стояла возле кустов и не решалась идти. Куда идти? Она словно растеряла всё своё лесное чутьё. До болота одна она не дойдёт, она заблудится, а если бы и дошла, что там она увидит? Что бы там ни было – просто трясина, синие огоньки болотников, даже Лебёшка и её отец – что она сможет с этим сделать?

Идти к Лебёшкиной бабке? Уж она-то знает... она знает... Сама Лебёшку послала следить за ними с водяником... Сама научила её, как заговорить болото... И эта история с проклятием, может, вообще старуха обманула её, Рику... Почему раньше она об этом не думала? Потому, что привыкла доверять взрослым?..

Она оттолкнула водяника и до сих пор она не знает, что чувствует к нему – страх, вину, жалость? Что-то совсем непонятное, но отчуждающее незаметно выросло между нею и водяником после того видения клада. Почему? Почему? Потому что «любыть»? Потому, что страшно взять на себя эту любовь и нести её, как бы тяжело ни было?

И, вместе с тем, она понимала, что должна быть здесь. Хотя ничего не может сделать, ничего не может исправить, ничего...

Чёрная собака вышла из леса и замерла, глядя на Рику. Рика стояла и молчала. Она не могла проглотить слюну, она, кажется, и дышать не могла...

Собака привела её на болото. Рика надеялась, что, как и в тот раз, на болоте водяник превратится в человека, но этого не происходило. Собака оставалась собакой. «Это случилось здесь?» – спросила Рика. Это были первые слова, которые она произнесла.

На болоте было тихо и как-то спокойно. Вокруг стояло, как осенний туман, величавое и грустное спокойствие, Рика никогда не сталкивалась с этим в своей жизни. И говорить ей было не нужно, поэтому она, единожды спросив, снова замолчала.

Крестики девочка нашла, они висели на берёзе. Рика не стала их трогать. Крестики были частью этого молчания, словно памятники Лебёшке и Миколу. Слово предупреждение и молчаливая молитва о всех, кого тянет к себе голубой болотный цветок. Они висели, и тихонько их качал ветер.

И вдруг Рика осознала и поняла одну вещь. Она больше не боится. Она приняла жизнь, приняла и смерть, такими, какими они пришли к ней, она приняла неизвестность и печаль, и надежду как часть этого мира, который был по обе стороны малины, но в котором, в конце концов, она должна будет остаться там, с бабушкой и мамой, а водяники и болото, и старика с ивами – здесь. Но сейчас она не может разде-

лить этот мир. Ещё не может разделить. Одна не может разделить.

– Пожалуйста, не сердись на меня.

Ей было важно сказать именно эти слова и никакие другие. Другие не были нужны.

Рика вошла в малинник.

– Босоножка!.. До следующего лета?..

Для оформления обложки использован фон из программы Microsoft Power Point, не стоковое фото.